

Террор и терроризм – «две большие разницы»

Игорь Подшивалов

«Наша задача — покончить с терроризмом раз и навсегда!» — заявляет с телеэкрана премьер из ФСБ. «Дурилка картонная! Обмануть хотел!» — ответил бы ему Горбатов из «Места встречи». Уж кто-кто, а контрразведчик Путин прекрасно знает, что терроризм абсолютно невозможно одолеть репрессивными методами. А если не знает, то не свое место занимает.

Угроза терроризма стала модной темой задолго до взрывов в Буйнакске, Волгодонске и Москве. Этот термин превратился в мощное политическое оружие. Его используют для защиты существующего режима не только в России. Югославский президент Милошевич назвал террористами косовских албанцев, чтобы оправдать использование армии не только против вооруженных повстанцев, но и против мирного населения. Турецкое правительство обвинило в терроризме Абдуллу Оджалана, чтобы уйти от решения курдского вопроса. Если террористов не существует, их надо придумать. Найдем пару складов с оружием, упрячем за решетку несколько чеченских боевиков – глядишь, народ и поймет, что власть у нас, хоть и проворовалась в пух и прах, но все еще стоит на страже.

Что общего между еврейской сектой зилотов в Римской империи, мусульманами-исмаилитами в XIII веке, итальянскими карбонариями и «Народной волей» в России в веке минувшем, «Черной рукой» в Сербии, анархистами – сторонниками прямого действия, воинствующими антифашистами, сионистами из группировок Иргун и Штерн, «красными бригадами» в Италии и Фракцией Красной Армии (РАФ) в ФРГ? Всех их называют террористами. Даже борцов сопротивления во время второй мировой войны фашисты называли террористами. Сами же террористы редко так себя называют, они предпочитают термины «партизаны», «бойцы сопротивления», «повстанцы» или даже «борцы за веру» – моджахеды. На протяжении всей истории терроризма от античности до наших дней террористы нередко пользовались симпатией у населения. Сторонники любого активного сопротивления всегда «терроризируют» своих противников.

Терроризм – это совокупность насильственных актов – покушений, взятий заложников и т. д., — которые совершаются политической или криминальной организа-

цией (мафией) в целях воздействия на лидеров своей или чужой страны. Другое определение обозначает терроризм как систематическое использование насилия для достижения политических целей – захвата, сохранения и применения власти. Под такое определение подпадают и некоторые политические режимы – советский сталинизм, немецкий фашизм, режим Пол Пота в Кампучии. Но это уже не терроризм, а государственный террор.

Если пьяный отец методично избивает своего сына – это террор, а если мальчик однажды возьмет в руки молоток и захочет отомстить – это уже терроризм. Почувствуйте разницу! Терроризм по сути означает сопротивление превосходящему насилию и является избирательным, террор же распространяется на целые группы, нации и классы по принципу коллективной ответственности. Терроризм – это реакция на государственное насилие, восходящая к древней традиции тираноубийства. Согласно традиции, это защита оскорбленного достоинства. Террористический акт как бы воспроизводит ситуацию дуэли, где террорист применяет насилие как последнее средство защиты перед лицом превосходящей его неправой силы. Нравственный аспект является здесь определяющим.

В России уже в период тайных декабристских обществ рождалась идея цареубийства. Помните, в «Евгении Онегине» – «меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал». Первым актом политического терроризма в России можно считать выстрел Дмитрия Каракозова в Александра Второго 4 апреля 1866 года. Но началом террористического движения является покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова в 1878 году. Трепов велел высечь политзаключенного Боголепова за то, что тот не снял перед ним шапку во время обхода. В суде Засулич заявила, что «хотела обратить внимание общественного мнения на это происшествие и сделать не таким легким надругательство над человеческим достоинством». Общественность рукоплескала террористке, а суд присяжных ее оправдал. Показательно, что вскоре Засулич выступила против систематического террора и отказалась вступить в «Народную волю». И если сейчас принято изображать революционеров-народников как предшественников большевиков, сторонников тоталитарной власти, то как объяснить тот энтузиазм, которым встретило общество оправдание Засулич? Почему для всей разночинной интеллигенции имена Засулич, Перовской, Желябова были святыми? В идейном и личном бескорыстии русских террористов не сомневались даже их враги. Народоволец Степняк-Кравчинский, среди бела дня заколовший кинжалом шефа корпуса жандармов генерала Мезенцева недаром сказал: «Террор – ужасная вещь. Есть только одна вещь хуже террора – безропотно сносить насилие». Кравчинский убил Мезенцева после того, как в Одессе казнили народника Ивана Ковальского. Народовольцы, в том числе и Желябов, на суде подчеркивали, что готовы отойти в сторону при начале народной революции, главное – разбудить крестьянство. Они не заботились о главенстве в революции и в будущем обществе.

В отличие от терроризма террор – это система насильственных действий, употребляемая организациями или партиями для достижения власти. Партия эсеров, считавшая себя правопреемницей «Народной воли», превратила террористическую деятельность из акта самозащиты и протеста в рычаг овладения властью. Теракт превращается в сугубо техническую, а не нравственную проблему. Появляются

исполнители-боевики, организаторы, действующие в секрете от большинства членов революционной партии. Провокатор Евно Азеф становится руководителем Боевой организации, неподконтрольным даже эсеровскому ЦК. Если терроризм направлен против власти, то террор, пусть даже революционный, осуществляется во имя власти. В этом разница этих понятий. Неслучайно, что многие современные террористические организации именуют себя армиями – Ирландская республиканская армия, Фракция Красной Армии в ФРГ, Японская Красная Армия и т.д. Они построены по армейскому образцу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нет режима, который был бы застрахован от терроризма. Это явление касается как диктатур, так и демократических государств. Нужно отметить, что террористические акты обходятся гораздо меньшим числом жертв, чем обычные войны. Правительственные репрессии могут оправдать новые террористические акты в глазах самих террористов. Как это ни парадоксально, уничтожение целого отряда или жестокие преследования по отношению к гражданскому населению могут расцениваться террористами как успех. Случается, что террористы достигают своей цели. К примеру, палестинский террорист Ясир Арафат стал главой государства, как и его бывшие враги Ицхак Шамир и Менахем Бегин, сражавшиеся в экстремистских сионистских группировках Штерн и Иргун против англичан в Палестине в 40-х годах.

Сегодня к терроризму относятся с полным и безоговорочным осуждением, но даже самых последовательных противников террора и убежденных приверженцев ненасилия ставит в тупик вопрос: а как быть с покушениями на Гитлера – тоже осуждать немцев, которые решились на это? Или с убийством никарагуанского диктатора Самосы? История показывает, что после смерти тирана в стране действительно происходят перемены. И еще один характерный пример. На слушаниях по делу Аугусто Пиночета в январе этого года адвокат экс-диктатора заявил, что некоторые из жертв чилийской хунты, возможно, были террористами, поэтому пытки, если их применяли к террористам, не могут считаться преступлениями против человечности. Не пора ли отделить мух от котлет? Не стоит ли, прежде чем огульно осуждать террористов, разобраться – во имя чего и против чего совершается террористический акт?

Угроза терроризма действительно существует и в России и в других странах. Но косовские албанцы и турецкие курды имеют право на сопротивление. Не снимая ответственности с террористов-одиночек, повинных в гибели мирных людей, нужно помнить об ответственности тех, кто обладает властью, посылает войска для «восстановления конституционного порядка» и тратит народные деньги на строительство личных особняков, пугая этот народ опасностью терроризма.

Войну в Чечне премьер Путин называет борьбой с терроризмом, а регулярные части армии Чечни-Ичкерии упорно именуется бандформированиями. С бандитами борется уголовный розыск, армия же воюет с другой армией, и Путину это известно. Басаев и Хаттаб, Радиев и Гелаев – никакие не террористы, а командиры неприятельской армии. Они борются за власть не только в Чечне и Дагестане, но и на всем Кавказе. Так что нечего тень на плетень наводить – идет война и кончится она тем же, что и предыдущая – переговорами. Только крови еще больше прольется. Посему зря премьер слово «терроризм» все употребляет и повторяет, как заклинание, что с террористами переговоров не ведут. Ведут. И с Ирландской республиканской армией, и с басками из ЭГА («Страна басков и свобода») правительства Великобритании и

Испании провели переговоры и, и эти террористические организации прекратили борьбу.

Примерный сценарий новой кавказской войны таков: боевые действия будут вестись долго и с переменным успехом, после чего придется-таки прийти к соглашению с наиболее умеренными чеченскими лидерами. Чем они закончатся, эти грядущие переговоры, неизвестно, но известно то, что пока не будет признана независимость Чечни и установлены новые государственные границы, огонь на Кавказе будет тлеть, но не погаснет.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Игорь Подшивалов
Террор и терроризм – «две большие разницы»

Скопировано 2019-03-23 с
<http://www.angelfire.com/ia/IOKAS/terror.html>, также доступно на
<https://a2day.net/terror-i-terrorizm-dve-bolshie-raznitsy/>
Эту статью анархист Игорь Подшивалов (1962-2006) написал во время Второй чеченской войны и она интересна тем, что в ней ставится вопрос об использовании государственной пропагандой понятия «терроризм».

ru.theanarchistlibrary.org